

О возможностях сравнительного анализа этимологии слов в познании этнокультурных особенностей

П.С. Эргашев*

Ташкентский государственный педагогический университет, Ташкент, Узбекистан
pulat-ergashev@rambler.ru

В статье представлены результаты сравнительного этимологического анализа названий некоторых эмоций в русском и узбекском языках. Результаты анализа показали, что в этимологической основе некоторых русских названий эмоциональных состояний (например, «тревога», «презрение») лежат представления об особенностях их внешнего проявления, тогда как в их узбекских эквивалентах («хавотир», «нафратланиш») внимание сосредоточивается на причине и силе переживания. Наоборот, в этимологии названий некоторых других эмоций (например, «гнев», «страх») в русском языке прослеживается большее внимание к силе переживания, в то время как в их узбекских названиях («жаҳл», «қўрқув») проявляется акцент на физических и психических последствиях этих эмоций. Вместе с тем, на примере отдельных эмоциональных состояний, в частности, чувства вины, были выявлены близкие по содержанию этимологические корни: в случае обоих языков (русского и узбекского), которые относятся к разным языковым группам, обнаруживается общая концентрация на вопросе о необходимости наказания виноватых, что указывает на некоторую универсальность познавательного процесса.

Ключевые слова: этимология, мышление и язык, этнокультурные особенности, эмоциональное состояние, сравнительное языкознание.

Этимология и психология: общие замечания

Слова как символы, придуманные человечеством для обозначения определенных предметов и явлений, составляют основу любого языка. Будучи продуктом его мышления, каждое слово, которое использует человек, отражает образ его мыслей [15]. Слова, с помощью которых человек выражает свои мысли, позволяют судить об уровне сложности и многообразности его восприятия и понимания окружающего мира. Одним словом, слова — это надежный проводник в скрытую от непосредственного познания сферу, какой является мыслительная деятельность человека.

Таким образом, связь мышления и языка, слова и образа мыслей открывает новые возможности для изучения особенностей психической деятельности через анализ речевой активности ее составляющих.

Для цитаты:

Эргашев П.С. О возможностях сравнительного анализа этимологии слов в познании этнокультурных особенностей // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3. С. 77–81.

Поскольку язык представляет собой явление историческое и богатство каждого языка это продукт духовно-материального развития многих поколений [9], то уместно предположить, что все вышесказанное о возможностях обращения к языку как средству познания психического относится не только к плоскости индивидуального сознания, но и коллективно-му психологическому опыту.

Еще Пифагор утверждал, что для познания нравов какого либо народа необходимо стараться прежде изучить его язык [1, с. 89]. Однако язык — явление чрезмерно сложное, которое включает в себя много разных компонентов. Вероятнее всего, разные элементы языка отличаются друг от друга степенью информативности с точки зрения познания «нравов» национальных групп и особенностей национальной культуры. На наш взгляд, одним из более эффективных способов познания «национальной души» является анализ этимологии слов.

* *Эргашев Пулат Собирович*, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник—соискатель кафедры «Общая психология», Ташкентский государственный педагогический университет, Ташкент, Узбекистан, *pulat-ergashev@rambler.ru*

Мы полагаем, что такой анализ в рамках сравнительного подхода способен открыть путь к познанию того, как исторически развивались психические конструкты, характерные для представителей определенных культур.

Специалистами лингвистами давно отмечено, что история слов, их возникновения и развития является, вместе с тем, историей многовековых усилий человеческой мысли осознать явления природы и общественной жизни [5, с. 5]. На необходимость психологического подхода к изучению этимологии слов указывал крупный итальянский языковед В.Пизани, который, рассуждая о перспективах развития этимологической науки, писал: «Сравнительное языкознание не может ограничиться только тем, чтобы показать этимологическое тождество корней, слов и грамматических элементов в родственных языках и часто также в языках, не родственных между собой... В широком плане, в котором названная дисциплина (этимология — Э.П.) должна развиваться на основе истории мировоззрений человеческого рода, т.е. собирания и противопоставления человеческих идей и представлений о предметах и явлениях, поскольку они оставили след в языке, она должна извлекать разумные выводы из возможно большего числа языков и по возможности из языков самых различных народов земного шара, разумеется, при помощи сравнительного метода, однако так, чтобы большее значение в этом случае придавалось психологическому сходству и различию в обозначении» [5, с. 71].

Примеры применения этимологического анализа как способа изучения особенностей исторического развития человеческой мысли

В науке известны исследования, в которых на основе этимологического анализа слов делались выводы об особенностях развития человеческой мысли в историческом плане. Например, Т.В. Валюкевич на основе семантико-этимологического анализа лингвокультурного концепта «внешность» пришел к выводу, что исторически первые представления о внешности включали идею видимого образа, формы, где форма понимается как наружные вид, внешнее очертание, фигура, образ, очерк или стать [2, с. 157]. Исследователи Е.В. Мишенькина и Т.Ф. Извенкова рассматривали этимологию концепта «праздник» как способ описания языковой картины мира славян [4]. На основе анализа материалов, представленных авторитетными этимологическими словарями, исследователи пришли к выводу, что концепт «праздник» во многих случаях имеет значение, связанное со свободой от работы. Следовательно, не только в языковой, но и в психологической картине мира славян «праздник» противопоставляется труду и работе, понимается в значении «лень/безделье» [4, с. 300]. В то же время нельзя не отметить, что слово «байрам» («празд-

ник») в узбекском языке происходит от древнетюркского глагола «баз», трансформированного в форму «бай», который означал «распускаться», «рассыпаться», «разливаться» («ёйил») и чувствовать себя «свободно», «привольно» («яйра») [7, с. 37]. Таким образом, в узбекской национальной культуре изначально праздник понимался как время свободных действий. Вырисовывается следующая картина: в русском языке праздник — возможность бездействия, в узбекском языке — свободы действия. Следовательно, можно предположить, что в древности носители славянских языков праздник понимали как время отдыха, в то время как в тюркских языках акцент делается на возможности заниматься тем, что делать в другое время обычно нет возможности. Несомненно, в этом противопоставлении очень много спорного, но нельзя не признать наличия в таком подходе определенного рационального зерна. В данной статье осуществляется попытка на примере сравнительного анализа этимологии названий эмоциональных переживаний в русском и узбекском языках показать перспективность такого подхода для этнолингвистических и этнопсихологических исследований.

Результаты сравнительно-этимологического анализа названий эмоциональных состояний

В качестве предмета анализа нами выбраны названия некоторых эмоций, часто используемых в психологической литературе для описания эмоциональных свойств человека [3]: «печаль» («гам»), «тревога» («хавотир»), «страх» («кўрқув»), «гнев» («жахл»), «стыд» («уят»), «вина» («айб»), «презрение» («нафратланиш»).

Согласно этимологическому словарю русского языка Г.А. Крылова слово «печаль» происходит от слова «печа» (забота), восходящего к той же основе, что и слово «опека». Исчезнувшее ныне из языка слово «пека» означало «жар», «зной». Поэтому Г.А. Крылов указывает, что печаль буквально значит «то, что жжет» [14, с. 286—287]. Крупнейший специалист этимологии русского языка М. Фасмер в определении этимологии слова «печаль» также ссылается на праславянское слово «пеку», имевшее значение «печь», «жарить», «варить» [12, с. 227, 254]. «Печаль» переводиться на узбекский язык как «гам». Слово «гам» — арабского происхождения, имеет значение «душевные муки» [8, с. 273]. Обращает на себя, что в этимологии слова «печаль» акцент делается на том как, насколько больно, остро (жгуче) переживается эта эмоция, в то время как в этимологии узбекского «гам» внимание смещается на то, где (в душе) это переживание ощущается.

Этимологию слова «тревога» М. Фасмер связывает со словом «отвага», которое родственно по значению словам «рисковать», «отважиться» [13, с. 97; 12, с. 169]. Следовательно, логика в том, что тревож-

ный человек — тот, кто не рискует, не может отважиться на определенные действия. Узбекское слово «хавотир» («тревога») — это множественная форма слова «хотир» (мысль, раздумье), которое происходит от арабского глагола «хатара» в значении «в голову пришла мысль» [6, с. 474]. В сравнительном анализе можно заметить, что в русском языке внимание больше уделяется тому, в чем выражается отсутствие тревоги (в рискованном поведении), тогда как в узбекском языке внимание заостряется на том, что делает человека более осторожным (пришедшая в голову мысль).

По М. Фасмеру, слово «страх» имеет первоначальное значение «оцепенеть» [12, с. 772]. Узбекское слово «кўрқув» (страх) происходит от древнетюркского слова, имевшего значение «охранять» [7, с. 588]. Значит, в русском языке изначально большее внимание уделялось психологическому эффекту страха, к какому результату в состоянии конкретного человека эта эмоция приводит (к оцепенению). В узбекском же языке страх первоначально рассматривался с точки зрения активных мер, которые стимулируются боязнью чего-то (например, боязнью кражи).

Слово «гнев» по М. Фасмеру, состоит в родстве со словом «гнить» и имеет исходное значение «гниль, гной, яд». Однако, по мнению других этимологов, гнев по своему происхождению связан со значением «гореть», что, по М. Фасмеру, также, в принципе, не исключено [10, с. 420]. Узбекское слово «жахл» происходит от арабского слова имеющего значение «стал глупым» [6, с. 127]. Сравнение эквивалентов обозначения понятия «гнев» в двух языках показывает, что в русском варианте в качестве опорной точки для обозначения эмоции акцент делается на силе эмоционального переживания, тогда как в узбекском языке акцент смещен в сторону влияния гнева на умственные способности.

М. Фасмер при определении этимологии слова «стыд» ссылается на слово «студа» [12, с. 789], имеющего значение «холод» и предлагает сравнить его значение со значениями слов «мороз» и «мерзкий» [12, с. 787]. Узбекский эквивалент «уйт» происходит от древнетюркского слова со значением «честь, совесть, достоинство, смущение» [7, с. 383]. Вновь мы сталкиваемся с ситуацией, в которой значение русского слова «стыд» в своей основе обращение на то, как (остужено) переживается эмоция стыда, тогда как в узбекском языке большее внимание уделяется на то, какие именно эмоции затрагиваются при переживании стыда.

Согласно М. Фасмеру, слово «вина» в своем первоначальном значении родственно понятию «ошибка», а также понятию «мстить», отсюда слово «война», «воин» от древнеиндийского слова «veti» — преследовать, стремиться [10, с. 316]. Узбекское слово «айб» происходит от арабского слова со значением «наказание за определенную ошибку» [6, с. 21]. Как мы видим, в этом случае имеется

большее сходство в русском и узбекском языках в этимологическом контенте названия этой эмоции. В обоих случаях исторически значение слова «вина» основывается на мысли о необходимости наказания за совершенные ошибки. Следовательно, рассуждая о вине, в независимости от культурных особенностей, издревле люди в первую очередь концентрировались на необходимости наказания виноватых. Другими словами, в обеих культурах с самого истока понятие «вина» в первую очередь ассоциировалось с наказанием.

Согласно этимологическому словарю русского языка Г.А. Крылова, слово «презирать» образовано от глагола «зирати», что буквально означало «смотреть сверху вниз» [14, с. 316]. Узбекский эквивалент «нафратланиш» происходит от арабского слова со значением «испытывать сильное отвращение» [6, с. 320]. Следовательно, в образовании слова в русском языке большее внимание уделялось на то, как внешне проявляется эта эмоция, тогда как в узбекском языке главное место занимает сила эмоционального переживания.

Выводы

Естественно, такой сравнительно этимологический анализ можно продолжать на примере многих других понятий, обозначающих различные психические состояния. Однако даже этот небольшой экскурс дает возможность сделать некоторые выводы:

1. Этимологический анализ слов, безусловно, открывает хорошие возможности для понимания особенностей взаимоотношений «среда—мышление» в рамках определенных культурных условий.

2. Этимологический анализ названий некоторых человеческих эмоций позволяет уверенно предполагать, что в них может быть обнаружена этнопсихологическая специфика.

3. Этимологический анализ на основе сравнения названий эмоциональных переживаний в русском и узбекском языках, наряду с некоторыми различиями, выявил ряд случаев с аналогичными этимологическими корнями определенных понятий, что, на наш взгляд, показывает существование, кроме этноспецифического отношения к среде, некоторых универсальных, актуализирующихся часто в первую очередь мыслительных конструктов, с помощью которых человек пытается познать окружающий мир.

Несомненно, для более широких выводов работа в этом направлении с привлечением этимологического материала других языков еще должна продолжаться. Работа предстоит достаточно большая, но отдача от нее также может быть весомой сразу для нескольких сфер науки (лингвистики, истории, психологии, культурологии и т.д.), что, как мы надеемся, подтолкнет исследователей к продолжению и углублению поисков в этом направлении.

Литература

1. Афоризмы. Золотой фонд мудрости / Сост. О.М. Ермашин: М.: Просвещение, 2006. 1695 с.
2. *Валюкевич Т.В.* Семантико-этимологический анализ лингвокультурного концепта «внешность» // Вестник Харьковского национального университета. 2011. № 973, С. 155–159.
3. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 783 с.
4. *Мишенькина Е.В., Извекова Т.Ф.* Этимологический анализ концепта «праздник» как способ описания языковой картины мира славян // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. Т. I (Гуманитарные науки), С. 296–301.
5. *Пизани В.* Этимология: история—проблемы—метод / Пер. с итал. Д.Э. Розельталя; под ред. и с предисл. В.И. Абаева. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1956. 186 с.
6. *Рахматуллаев Ш.* Ўзбек тилининг этимологик лугати (араб сўзлари ва улар билан ҳосилалар). Т.: Университет, 2003. 600 б.
7. *Рахматуллаев Ш.* Ўзбек тилининг этимологик лугати (туркий сўзлар). Т.: Университет, 2000. 600 б.
8. *Рахматуллаев Ш.* Ўзбек тилининг этимологик лугати (форсча, тожикча бирликлар ва улар билан ҳосилалар). Т.: Университет, 2009. 283 б.
9. *Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2009. № 2. С. 3–17.
10. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 (А-Д) / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 576 с.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е-Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
12. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 (Муза-Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
13. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 (Т-Ящур) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 864 с.
14. Этимологический словарь русского языка / Сост. Г.А. Крылов. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. 432 с.
15. *Veraksa A.N.* Symbol as cognitive tool of mental activity // Psychology in Russia: State of the Art. 2013. № 6, pp. 57–65.

Exploring Ethnocultural Specifics through Comparative Analysis of Etymology of Words

P.S. Ergashev*

Tashkent State Pedagogical University, Tashkent, Uzbekistan
pulat-ergashev@rambler.ru

The paper presents outcomes of a comparative etymological analysis of some Russian and Uzbek words referring to emotions. The outcomes indicate that the etymology of some Russian words for certain emotional states (such as 'тревога' (anxiety), 'презрение' (contempt)) stems from the notions of their outer expressions, whereas their Uzbek equivalents ('хавотир', 'нафратланиш') focus on the cause and intensity of these emotions. At the same time, several other Russian words for emotions (such as 'гнев' (anger), 'страх' (fear)) focus on the intensity of these emotional states, while Uzbek words ('жаҳл', 'қўрқув') emphasize their physical and mental consequences. Still, closely related etymological roots can be traced in particular emotional states, for example, the sense of guilt: both Russian and Uzbek, though belonging to different language groups, reveal a shared concern with the necessity of punishment for the guilty, which, in the author's opinion, points to a certain universality of cognition.

Keywords: etymology, thinking and language, ethnocultural specifics, emotional state, comparative linguistics.

References

1. Ermishin O.M. (ed.) Aforizmy. Zolotoi fond mudrosti [Gold fund of wisdom]. Moscow: Publ. Prosveshhenie, 2006. 1695 p.
2. Valyukevich T.V. Semantiko-etimologicheskii analiz lingvokul'turnogo kontsepta "vneshnost'" [Semantic and etymological analysis linguocultural concept "appearance"]. *Vestnik Har'kovskogo nacional'nogo universiteta* [Bulletin of Kharkiv National University], 2011, no. 973, pp.155–159.
3. Il'in E.P. Emotsii i chuvstva [Emotions and feelings]. 2-e izd. St. Petersburg: Piter, 2008. 783 p.
4. Mishen'kina E.V., Izvekova T.F. Etimologicheskii analiz kontsepta "prazdnik" kak sposob opisaniya yazykovo kartiny mira slavyan [Etymological analysis of the concept of "holiday" as a way to describe the linguistic world of the Slavs]. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Gazette], 2011, no. 1. T. I (Gumanitarnye nauki), pp. 296–301.
5. Pizani V. Etimologiya: istoriya-problemy-metod [Etymology: the story – problem-method]. Rozel'tal' D.E. (eds.). Moscow: Publ. Inostrannoi literatury, 1956. 186 p. (In Russ.).
6. Rakhmatullaev Sh. O'zbek tilining etimologik lug'ati (arab so'zlari va ular bilan ?osilalar) [Etymological dictionary of the Uzbek language (Arabic words and their derivatives)]. Tashkent: Universitet, 2003. 600 p.
7. Rakhmatullaev Sh. O'zbek tilining etimologik lug'ati (turkii so'zlar) [Etymological dictionary of the Uzbek language (Turkic words)]. Tashkent: Publ. Universitet, 2000. 600 p.
8. Rakhmatullaev Sh. O'zbek tilining etimologik lug'ati (forscha, tozhikcha birliklar va ular bilan khosilalar)

For citation:

Ergashev P.S. Exploring Ethnocultural Specifics through Comparative Analysis of Etymology of Words *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2014. Vol. 10, no. 3, pp. 77–81. (In Russ., abstr. in Engl.).

* Ergashev Pulat Sobirovich, PhD in Psychology, senior research fellow and degree seeking applicant at the Chair of General Psychology, Tashkent State Pedagogical University, Tashkent, Uzbekistan, pulat-ergashev@rambler.ru